

Мы могли бы рассказать о многих современных Октября, кто неустанно, в какой бы области ни трудился, создает прекрасное на нашей земле... Вот три судьбы, три разные профессии — и каждая отдана людям.

Ты не дружил
с усталостью
и ленью,
Весь
в нетерпенье
с головы
до ног,
Принадлежал
к такому
поколению,
С которым
никогда
не одинок.

ГОДЫ оказались не властны над трудолюбивым характером народного писателя Литвы Антанаса Венцловы, годы лишь посеребрили волосы. По-юношески нетерпеливо вышагивает он лесными тропинками и дюнами Паланги, где так хорошо работает весной и летом, обдумывая новую книгу, статью, стихотворение. И впрямь своиравные музы (а они иногда покидают недоступный Парнас, чтобы посетить убогую, под соломенной стрехой хату, поморский домишко, горскую саклю) залетели в январскую ночь 1906 года в литовскую деревню Тремпиняй, где только что родился крестьянский сын Антанас...

Иной раз трудно представить, каков навал рабочего для Венцловы — поэта, прозаика, публициста, писателя-коммуниста, известного общественного деятеля, исколесившего добрую часть планеты, написавшего страницы воспоминаний о встречах с Томасом Манном, К. Фединим, Дмитрием Гулиа, статьи о книгах Рыльского и Василевской... А его переводы из Пушкина... А статья к альбому репродукций с картин М.-К. Чюрлениса. Венцлова «читал» Чюрлениса глазами знатока и ценителя искусств, душой поэта, ощущающего истоки вдохновенного творчества живописца в народных песнях, сказаниях, родной природе. В рабочем кабинете писателя, на шкафах, где хранится обширная библиотека, стоят деревянные скульптуры — знак уважения к народному чудотворству, — Венцлова, член редколлегий серийного издания «Литовское народное искусство».

Удивительно гармоничен этот человек — его дела, творчество, поступки едины с идеалами бор-

3. БОГДАНОВА

ца. В жизни Венцловы не было рубежа, разделившего ее надвое в 1940 году — году восстановления Советской власти в Литве. И не случайно в день празднования шестидесятилетия писателя его старый товарищ вспомнил эпизод о том, как передавал дела растерянный и подавленный бывший министр буржуазного правительства министру народного просвещения правительства Советской Литвы А. Венцлове, учителю, уволенному им же с работы за «крамольные», вольнодумные стихи...

Недавно к читателям пришла новая книга Венцловы «Открытие молодости». Может быть, самая дорогая, самая любимая... Потому ли, что в книге о молодости начинаешь отсчет времени от большого уже душевного запаса? Да, но не только. Книга эта о вечной молодости тех, кто в удручающем засилье фашистской диктатуры и клерикализма старой Литвы боролся за лучшую долю родного народа. Книга о Пятрасе Цвирик, Саломее Нерис, Йонасе Шимкусе, Казисе Боруте, Монтовиле, расстрелянном гитлеровцами в форте Каунаса...

Книга эта — гражданский, товарищеский долг Венцловы. Он кропотливо и самоотверженно работал над нею. Память хранит многое. По сотням просмотренных пожелевших газетных страниц, архивные документы, письма, старые фотографии, как и та давняя, где они с Цвирикой у Медного всадника в Ленинграде, приехавшие в Советский Союз из буржуазной Литвы, будят воспоминания сладостные и мучительные. Многие из его товарищей и он сам были одиночками в борьбе со злом. Но вот счастливая судьба свела их, прогрессивных литераторов, в антифашистском «Третьем фронте». Их преследовали цензура и фашистские молодчики, но они искали силы в общении с пролетариями Каунаса, с героической Компартией Литвы, и теперь никто из них не был одинок. Вот оно, время до даты — 1940. Время борьбы и надежд...

Впереди новая книга — о литовских писателях в солдатских шинелях, о встречах и поездках на фронт, о первых годах после Победы. Рабочий день писателя продолжается.

ПОЧЕМУ это так повелось, что жизнь председателя колхоза — чаще всего повесть трудная? Конечно, что ни говори, всякое бывало, да и сейчас случается, но ведь трудно в любом большом деле. Дитя человеческое тоже в муках рождается, не только зерно пшеницы или виноградна кисть... Из примелькавшегося конфликта — обстоятельства против человека — выйдет победителем тот, у кого нрав крутой, характер дерзкий, другой не осилит, сломится: одолеют обстоятельства... На хорошего колхозного вожака просто-напросто не выучишься. Кроме знаний, нужен еще талант. Особый талант душевной приверженности к крестьянскому трудному хлебу и соли.

О Владимире Федоровиче Препе не скажешь — характером дерзок, нравом крут, скорее застенчив и молчалив. Голоса не поднимет, слушая собеседника, не перебивает, как бы тот ни горячился. И все-таки он дерзок — дерзок по своим мечтам, по умению сливать собственную волю с волей всего коллектива, упрям по особому умению делать людям добро. Служить им с той естественной простотой, которая никогда не ставит его над людьми. Вот и получается: как ни тяжки обстоятельства, но не они его одолевают.

Рабочий день председателя начался давно, когда молодым бесарабским пареньком постигал агрономическую науку, отмерял дороги Великой Отечественной политехником и разведчиком, потом по призыву партии в числе «тридцатитысячников» уехал коммунист Препе из Кишинева в самую глубинку Молдавии. Тут и пришелся ко двору его чистый, цельный характер, уважение к крестьянскому труду. Дважды выводил он самые отстающие хозяйства в передовые. Теперь шестой год председательствует в крупном хозяйстве республики — колхозе имени Мичурина. Стал Героем Социалистического Труда. Когда знаешь итоги

Что такое
сердце?..
Так или
иначе — все
земное
Умещается
в его пределы.
Потому-то нету
мне покоя.
До всего есть
дело.

прожитого, многое кажется волшебным и стремительным. А были глухая деревенька и хата, где он поселился, покинув столичную квартиру. И продукты, которые возила ему жена и товарищи, — в колхозе не взял ни крошки, пока не заслужил, не поставил хозяйство на ноги.

Но как нелегко ни складывалась жизнь, он всегда говорил не о трудностях, а о труде. Много дел у председателя — прямых и косвенных. Собственно, для Препе нет косвенных дел. И к нему идут не только по колхозным делам, но и своим глубоко личным, доверительным. И потому его с уважением приветствуют старики и с особым почтением здороваются веселые стайки молодежи, которым и сам черт не сват.

Неутомимо колесит его газик, отдыхает лишь в те часы, когда председатель работает в правлении, совещается с командирами колхозного производства, парторгом, решает вопросы с бухгалтером, инженером, строителями. Или беседует с гостями, приехавшими посмотреть хозяйство, перенять опыт. Гости же бывают разные — иной раз академик из Москвы приедет или зарубежные коллеги, а как-то в колхозе имени Мичурина побывали писатели из братских республик, посланцы на съезд молдавских литераторов. А потом опять в путь, к людям, что работают на виноградниках, пахут землю, строят дороги, фермы.

Один день не похож на другой. Но вечером долго еще будет светиться окно в притихшем доме председателя. Уснул маленький внук, и мальчишке снится озорной Буратино и страшный Карабас Барабас — так и не почталь ему дед (пожалуй, это «звание» пока мало подходит Препе) сказку с красивыми картинками. Спит жена, завтра ей тоже надо спешить на работу, уснул младший сын, школьник Санду — у него тоже было много дел, ездил в Кишинев покупать учебники для всего класса. И вновь председатель за столом. Свет лампы падает на раскрытую страницу...

В молчании пред
дирижером
Оркестр
в колонне
по пяти
Застыл,
готовый
по просторам
На смерть и
подвиг идти.

3 АЛ заполнили тревожные валторны, раскаты оркестра. Борение или гибель? Послушные дирижеру, страдают и плачут скрипки, и вот в сплете-

нии звуков рождается мудрый образ человека. Короткий отдых — и репетиции продолжают дальше.

...В утренней свежести летает пестрая пастушка.

— Нет, нет, нет!

Оркестр умолкает. Дирижер склоняется к музыкантам, что-то тихо говорит. Палочка вновь взметнулась вверх. Так вот какой может быть эта пестрая на заре! Она передаст полет человеческой мечты в прозрачной чарующей мелодии, в мягких вступительных аккордах рояля.

Как-то Рихард Штраус заметил: дирижирование, безусловно, трудное дело, чтобы полностью понять это, надо достичь семидесяти лет! Степану Турчаку, главному дирижеру Государственного заслуженного симфонического оркестра УССР, нет еще и тридцати. Окончена по классу профессора Н. Ф. Колессы консерватория во Львове, потом стажировка в Киеве, в оркестре, которым четверть века руководил дирижер и педагог Натан Рахлин.

За какой-то десяток лет из школьника, увлекающегося историей и географией, из сельского паренька, не имевшего никакого понятия о музыке, он превратился в разностороннего музыканта. При всей одаренности в нем нет беспечного упования на талант. Три часа утренних репетиций, потом вечерний концерт, когда в зале приглушается свет и к пульту выходит молодой светловолосый дирижер, — все это еще не начало и не конец работы. Завтра он вновь и вновь будет сидеть над уже знакомой партитурой, искать новые краски, новые интонации. А параллельно будет изучать другое произведение, вникать в замысел композитора. И пока не оживут, не зазвучат нотные знаки, он будет терпеливо и самоотверженно искать. Искать краски жизни в утреннем, еще заторможенном сном Киеве, в гулких шагах одиночных прохожих, спокойно-величавом движении Днепра, что так хорошо виден с крутой Владимирской горки, в вспыхах электросварки индустриальной Дарницы. И все это для того, чтобы рассказать людям о прекрасном.

Большая работа и вечные поиски. Он работает до изнеможения. До капели пота на лбу, как у сталевара, шахтера, пахаря.

Но только так рождается прекрасное — и в поэзии, и в спелой грозди винограда, и в музыке.